

___Dior, Dior VIII Grand Bal Piece Unique «Envol», 2015

KYUNG SUB SHIN FOR DIOR

___Бутик дома Dior в Сеуле похож на цветок лилии

___Золотая зеркальная лестница ведет в салон аксессуаров

___В интерьерах Кристиана де Порт-зампарка сохранилась и классическая для марки палитра

KYUNG SUB SHIN FOR DIOR

ными, а показывающими узлы конструкции. Что касается художественной сложности, то здесь тоже надо быть по-хорошему расчетливым. Мне вовсе не хотелось превратить этот дом во что-то необыкновенное, странное, в то, что сначала всем нравится, а через три года надоедает и вызывает скуку и неприязнь. Есть странная алхимия в старом городе, дома срастаются между собой, поддерживают друг друга. Она начинает исчезать, потому что теперь все возможно, любые формы. Я часто спрашиваю себя, не придем ли мы в результате к тотальному хаосу. В здании Dior я надеялся этого избежать.

— Как проходила ваша работа с руководителями Dior?

— Они в ней активно участвовали. Когда свой первый макет я показал руководителю Dior Сидни Толедано и главе LVMH Бернару Арно, им все понравилось, но они попросили сделать более заметным вход и добавить витрины. Мы решили, что вход будет на углу. Это хорошая идея, правильная, она подчеркнула наш замысел. Я не в первый раз работаю с Бернаром Арно, и, с одной стороны, он всегда дает карт-бланш, а с другой — не отказывает в советах. Он высокого роста, но нагибается, чтобы посмотреть на макет с высоты пешехода, он пытается все разглядеть и понять. Есть множество больших патронов, которые не смотрят на макет внимательно, им неинтересно. Это их унижает. Они смотрят лениво и издалека. Манера Арно очень ободряет архитектора. Как и его готовность обсуждать проблемы. Если что-то не идет как следует, мы вместе находим решение.

— Есть ли что-то общее у архитектора и модельера, художника, режиссера?

— Архитектура имеет дело с реальностью. Мы можем гоняться за художественными эффектами, но наше искусство — это не только воображение. Оно материально. Архитектура точно так же соприкасается с нашими мыслями и чувствами, но она создается для нашего тела. Отчасти модельер делает то же самое. Он одевает человека, мы одеваем пространство для человека.

— В 1994 году вы были первым французом, получившем Притцкеровскую премию, архитектурный аналог Нобелевки. Что вы думаете о французской архитектуре?

— Мне кажется, что она чувствует себя неплохо. Архитектура никогда не исчезнет. Она вечна, как мода. Есть архитекторы, которые известны и в стране, и за ее пределами. Есть талантливая молодежь. Есть прекрасные градостроители. Для меня, например, размышление над городом и над городской тканью так же важно, как и объемное проектирование. Я думаю, у французской архитектуры есть все шансы сохранить такой же потенциал, как и у французской моды. Смотрите, мы уже работаем рука об руку.

Беседовал Алексей Тарханов